

НАША СТРАНА

Год издания – 42-ой. Буэнос Айрес, суббота 11 ноября 1989

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 11 de noviembre de 1989 № 2049

ЕЛИЗАВЕТА ВЕДЕНЕЕВА

О ЕВРЕЯХ И О МАСОНАХ

Какое-то безумие охватило сейчас не то, чтобы всех евреев, конечно, и не хочу даже думать, что израильское правительство; но, несомненно, — некие широкие и влиятельные круги еврейства. Относительно же того, что они делают, — только и могу сказать, что, если бы я была еврейкой, их действия меня серьезно беспокоили бы и огорчали бы.

Для чего понадобилось затевать ссору сперва с католиками, а потом и со всеми христианами вообще, по вопросу об устройстве кармелитской обители в Аушвице? По справедливости, надо сказать, что католическая Церковь в годы войны активно помогала гонимым евреям, пряча их в монастырях, снабжая подложными бумагами, определяя еврейских детей в качестве приемных в католические семьи и т. п.

С другой стороны, национал-социалисты идеологически отнюдь не были связаны с христианством; наоборот, католиков они даже преследовали. И никакая христианская Церковь не благословляла и не поощряла расправу над евреями.

Но оставим все это как второстепенное. А вот, какой же евреям смысл заводить расплюю насмерть с христианским миром в целом, не утратившим пока окончательно ни силы, ни единства? Тем более, что с мусульманами у них так и так налицо непримиримая вражда...

Мало того, например с Австрией Израилю как государству, казалось бы нечего делить, и схватываться с нею вовсе бы ни к чему. А вот сцепились и с нею из-за Вальдгейма, грубо до неприличия вмешавшись во внутреннюю жизнь суверенной небольшой страны.

Мы решительно не сочувствуем, разумеется, попыткам некоторых антирусско-настроенных еврейских общественных деятелей заключить союз с украинскими сепаратистами против России. Но такие, как факт, делались. Однако, вешая Демьянюка, — не подрывают ли те же круги собственные планы?

А уж что и сказать о растущей до максимума истеричной кампании русофобства? По здравому смыслу, нет оснований ждать, что Россия исчезнет с лица земли. Какая бы ни была в ней власть, и каковы бы ни были ее границы, она, наверное, останется на месте. Для чего же обеспечивать евреям и внутри нее, и вне, будь то в Израиле, в США или еще где, стойкую неприязнь со стороны русского народа? И между тем, делается все возможное для достижения именно подобного результата!

Кому и для чего оно нужно, — понять трудно. Безусловно, американские правящие сферы сию линию одобряют и поощряют; но становиться невозможно понять, кто кого толкает на гибельные и нелепые акции, — американцы евреев или евреи

американцев?

Между тем, самоочевидно, и опыт истории неумолимо показывает, что столь глупые лозунги непригодны для борьбы ни с коммунизмом, ни с Россией, и что они неизменно приводят к разгрому и к капитальным неудачам тех государств, которые их практикуют. Но что поделаешь! Они вновь и вновь всплывают на поверхность... Поистине: "Quem Deus vult perdere, dementat prius".

Остановимся еще на одном пункте. Антируссские эмоции постоянно подогреваются ссылками на погромы, — в которых как раз русские, в смысле великороссы, участия не принимали! Их производили, общеизвестно, украинцы и молдаване. Но отчего-

то месть за них хотят направить именно против русских! О молдаванах разговоров не слышно, а с украинцами русофобы (как мы уже упомянули выше) даже заигрывают. Логика желтого дома!

Великороссы-то впервые столкнулись всерьез с евреями в форме пресловутых мальчиков с наганами, — и наша роль была тут страдательной (дела еврейских комиссаров тех времен прекрасно описывает о. Михаил Чельцов, в своих воспоминаниях, в «Вестнике РХД» № 156). Несправедливо винить еврейский народ за то, что из его среды вышли сии кровожадные отщепенцы; но еще несправедливее винить русский народ за погромы... к которым оный и не при-

касался даже.

Перейдем теперь к другой теме. В СССР и, — что более странно, — в Зарубежии, — выработался в наши дни способ дискредитировать любого противника (в особенности, если он в какой-то мере принадлежит к правому лагерю): достаточно объявить, что он де допускает существование жидомасонов; и после этого с ним, как с явным идиотом, можно уже и не спорить.

Начнем с изъятия оглушающей частицы жида —, и поговорим о масонах как таковых. Пускай в СССР многие думают, что их совсем нету. Но ведь вот за границей мы видим, что они сами открыто функционируют; хотя цели и методы их работы покрыты мраком тайны.

Может быть, они занимаются только благотворительностью и самоусовершенствованием? Но вот Н. Берберова, писательница, заметим, далеко не правого и не патриотического направления, показала недавно в своей интересной книге «Люди и ложь», что февральскую революцию организовали как раз вольные каменщики. Тогда как все компетентные историки признают, что великая французская революция зародилась и подготовилась в тех же ложах. Менее известно публике, но бесспорно и несомненно, что масонство же являлось двигателем революции в Португалии и в Бразилии, играло важную роль в инсurreционных движениях в Южной Америке, да и много где еще.

Насчет же того, будто масонов нет в Советском Союзе, — и сие вряд ли можно думать. Опять-таки сошлемся на Берберову, которая называет даже некоторые имена; скажем, Виктора Луи.

Нельзя оспаривать и того, что среди масонов было и есть немало евреев, каковых всегда бывало много среди участников различных субверсивных течений по всему земному шару. Легко отыскать корни данного явления в недовольстве, справедливом или нет, евреев своим положением в странах, где они составляют меньшинство. Но это не так уж и важно. Мыслимо себе вообразить, что их бы в среде франкомасонов и вовсе не было. Ничего бы от того существенно не изменилось.

А зачем надо игнорировать наличие мощной организации всемирного значения, ставящей себе специфические задачи и ловко умеющей добиваться их успеха? Не лучше ли было бы призадуматься над тем, к чему она стремится, чего хочет достичь? И тогда — определить наше к ней отношение, не впадая в истерику ни одного, ни другого рода, промасонскую или антимасонскую.

Политика же страуса, не желающего видеть опасность и в ней разбираться, — она ни при каких условиях к добру не ведет.

СКАЗ О МОЩАХ, В ОМЕРТВЕЛОЙ СТРАНЕ ВОПИЮЩИХ

"... я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь на земле за кровь нашу?" (От. 6:9, 10).

Есть на земле удивительная страна, в самом сердце которой устроено кладбище для именитых покойников. В зависимости от заслуг, одних из них сжигают и прах замораживают в стену, других закапывают в землю около этой стены. А перед могилами возвышается гробница для самого знаменитого трупа, посмотреть на который может всякий желающий.

Однако, на большие праздники в этой парадоксальной стране ее удивительные управители забираются с ногами на гробницу и, стоя на могиле, одобрительно взирают на проходящий мимо кладбища с криками «ура» и «да здравствует» не менее поразительный народ.

По человеческим законам мертвых погребают в тихих местах, на кладбищах не шумят, а уж стоять на могиле считается самым отъявленным кощунством. Но в странной стране действуют, вероятно, законы иные... Здесь с жадным любопытством вскрывали мозги почитаемых святых; здесь надругались над трупами убиенного Царя, его Семьи и прислуго перед тем, как бросить их в грязь; здесь вышвыривали гробницы царей на улицу, а оставшиеся древние царские кости свалили в подвал; здесь «во имя человека и для блага человека» умчили многие десятки миллионов ни в чем не повинных людей. Здесь сбылось речное пророком Иеремией: «В то время... выбрасывают кости царей... и раскидают их под солнцем и луною... не уберут их и не похоронят: они будут навозом на земле. И будут смерть предпочитать жизни остальных...» (Иер. 8:1-4).

Сейчас в парадоксальной стране наступило «смутное время»: от многое из прошлого отрекаются, содеянные зверства осуждаются, былые вожди умаляются, новые выдвигаются, а телега феноменальной государственности скрипит, трещит, но не хочет трогаться с места. Дорожает жизнь и дешевеют деньги, пропадают товары и появляются спекулянты и взяточники, оклеветывает законность и процветает преступность, одни нации сталкиваются и убивают друг друга, другие устали удивляться и хотят отделиться... И лишь самый большой и терпеливый народ этой странной страны застыл до поры в тревожном недоумении. Не осознаны еще им слова Христа: «Горе вам..., что говорите: «если бы мы были во дни отцев наших, то не были бы сообщниками их в пролитии крови пророков»; таким образом вы сами простили себя свидетельствуете, что вы сыновья тех, которые избили пророков; дополните же меру отцов ваших». (Мф. 23:29-32). Но придет время, и он скажет: «... только ложь наследовали наши отцы, пустоту и то, в чем никакой пользы. Может ли человек сделать себе богов, которые, впрочем, не боги?» (Иер. 19:20).

А сейчас вопиющие в омертвелой стране мозги стучат в сердца и взыгают к растерянным людям, «носящим имя, будто живы но мертвым» (От. 3:1).

Да воскреснут они для новой жизни!

В. Чекалин
Бюллетень «Комиссии по вскрытию места захоронения и исследованию предполагаемых останков убиенных членов Императорской Семьи».

ЕЛИЗАВЕТА ВЕДЕНЕЕВА

ВЛАДИМИР ГИЛЕВ

ДИСКУССИЯ О БУДУЩЕЙ РОССИИ

ЕДИНСТВЕННЫЙ БЕСКРОВНЫЙ ВЫХОД

(СОТВЕТ НА «ДЕЛИКАТНЫЙ ВОПРОС»)

Сейчас я постараюсь ответить на тот деликатный вопрос, который я поставил в № 2029 "Нашей Страны".

Повторю его: Что станет с советскими лидерами после — так желаемой всеми — демократизации советского общества? Этот, казалось бы, простой и естественный вопрос тщательно обходится стороной всеми — и западными, и российскими — "борцами за демократизацию". Западные политики тоже обходят этот вопрос гробовым молчанием. Почему все они боятся этого вопроса? Да очень просто почему: потому, что они чувствуют — хотя и не говорят об этом открыто, — что ответить на этот вопрос они не смогут! Ведь они, как и весь "свободный мир", считают формулу — "Демократия или тирания — другого не дано!" — абсолютной и неприложной. Они делают вид, что не понимают, что любое демократическое общество потребует суда и наказания советских лидеров-преступников (о том, что они, теперешние лидеры, преступники, читатели, вероятно, знают). А преступники не хотят быть наказанными: ... лапы у них в крови, перед каждым маячит расплата за содеянные преступления; поэтому они будут сражаться за свою шкуру" (из "Залилок Сологубина", Д. Панина).

Сражаться! Сражаться, чтобы не допустить установления демократии! (Сражаться, конечно же, не своими руками, а руками — и жизнями — гебистов и солдат советской армии). Сражаться, применяя все способы. Горбачев, выступая по советскому радио и телевидению 1-го июня 1989 года, заявил: "... Каждый должен подчиняться законам страны, в которой он живет (здесь он имеет, конечно, в виду советские законы). Только это может гарантировать права гражданина независимо от его национальности. И эти права государство будет отстаивать всеми (sic), имеющимися в его распоряжении средствами".

Всеми! Это мы и видели при расстрелах демонстраций в Новочеркасске и других местах. Об этом мы знаем и по событиям в Тифлисе, где от отравляющего газа погибло два человека — по официальным данным, более тысячи — по неофициальным: в дело шли начиненные отравляющим газом (не слезоточивым газом!) пули и гранаты, контейнеры с газом, выпускаемые из ракетниц, химические дубинки, из специальных щелей которых, при ударе, вырывается газ, черные, сгорающие без остатка шары с перво-паралитическим газом... (на этом фоне належны американцев на то, что советские лидеры, подписав готовящийся сейчас договор, не применили химического оружия во время войны — выглядит просто смехотворным); применялось и обычное оружие: Гелий Бешидзе был в нескольких шагах от офицера, изрешетившего из автомата лежавшего на земле парня; юноша, помогавший Напше Макалатия встать с земли, получил автоматную очередь в живот... (Из 1-го Отчета члена Комиссии Независимых Журналистов, Евгения Цели, Ростов на Дону).

Все это говорит лишь об одном: у советских лидеров есть достаточно оснований бояться установления демократического строя, они хорошо помнят о Нириберге.

Что же делать? Как либерализо-

вать, как освободить Россию от советского режима, как освободить её без пролития крови — хватит с нас крови! — без революции, восстания или войны? Можно ли сделать так, чтобы советские лидеры добровольно отказались от власти? Ответ, казалось бы, может быть только отрицательным. Да они и отрицательны есть, если мы предложим лидерам передать власть демократическому строю. Такому строю они власть не передадут — они не самоубийцы. Они согласятся передать власть только такому правлению, такому строю, который мог бы дать полную гарантиту их неприкосновенности при новом порядке. Но кто, какой строй в пост-коммунистической России может дать такую гарантиту? Кто может обещать — и выполнить это обещание — не организовывать Нирибергского Процесса № 2, не наказывать советских лидеров-преступников, но, наоборот, обеспечить их полную безопасность? Демократическое государство? Нет. Такое государство и его граждане, конечно же, потребуют наказания преступников.

Тогда какой же строй сможет быть достаточно сильным, твердым и решительным, чтобы игнорировать и даже физически сдерживать ту часть населения, которая (полностью забыв о своем "скромном участии" — участии хотя бы уж своим молчанием — в преступлениях советских лидеров) будет требовать наказания этих лидеров? Решится демократическое государство, скажем западного образца, на такие "предемократические действия"? Конечно, нет.

Только авторитарная система решится на это. И только такой системе советские лидеры согласятся передать власть.

Авторитарная система! Монархия! Да попробуйте опубликовать в "свободной западной прессе" статью в защиту монархии, о её преимуществах по сравнению с демократией (конечно, не только в смысле решения судьбы советских лидеров) — над вами просто посмеются! Тут мои друзья-датчане, чуть только я заинтересуюсь об авторитарности, о монархии, тотчас спрашивают: "Ты что, хочешь, чтобы у вас там был такой же, как наш Кристиан 4-й, король, окончательно разрушивший всю экономику, всю жизнь Дании?!" Или, может, ты хочешь нового Сталина?..."

Когда я прочитал "Письмо вождям Советского Союза" А. И. Солженицына, меня эта идея об авторитарном строе сначала как-то покоробила — сразу пришла на ум "автократия", а за ней и "бюрократия" с её партийной резонансностью... Но потом-то я понял Солженицына лучше. А вот послушаем Е. Бердяева в "Философии неравенства": "С сотворения мира всегда правило, правит и будет править меньшинство, а не большинство. Это верно для всех форм и типов управления, для монархий и демократий, для эпох реакционных и для эпох революционных. Из управления меньшинства нет выхода. И ваши демократические попытки создать царство большинства в сущности являются жалким самообманом. Вопрос лишь в том, правит ли меньшинство лучшее или худшее. Од-

но меньшинство сменяется другим меньшинством. Вот и всё. Худшие свергают лучших или лучшие свергают худших".

Дело значит не а "авторитарности", не в управлении *одним лицом* (монархии) как таковых, а в самом монархе, в установленном им порядке, в характере законов — в степени их соответствия морали и психологии народа. Послушаем А. И. Солженицына в том самом "Письме": "Невыносима не столько авторитарность — невыносимы произвол и беззаконие... Авторитарный строй совсем не означает, что законы не нужны или они бумажны, что они не должны отражать понятия и волю населения. Авторитарный строй — не значит ещё, что законодательная, исполнительная и судебная власти не самостоятельны..." Я полностью согласен с этими словами. Но, как и следовало ожидать, советские вожди с автором письма не согласились и... вскоре выслали его из страны. Да разве можно было надеяться, что они последуют советам писателя? Послушайте, что предлагает им глубокоуважаемый А. И.: "У нас остается вся неколебимая власть, отдельная сильная замкнутая партия, армия, милиция, промышленность, транспорт, связь, недра, монополия внешней торговли, принудительный курс рубля, — но дайте народу дышать, думать и развиваться!"

А перед этим А. И. еще добавляет — свободу идеологических и правственных течений, свободу философских, правственных, экономических и социальных исследований, свободу религии... Всё ясно. Прочитав этот список свобод, вожди тут же сказали: "Не пойдёт!" И совершило ясно, почему "не пойдёт". Да потому, что введение однажды лишь свободы "думать и развиваться", одной лишь "свободы идеологических течений" — как ветром спесет всю эту, гарантированную Солженицыным, "Неколебимую власть" и, конечно же, потребует суда и наказания этих лидеров! Нет, советские лидеры на такое не пойдут.

Вот поэтому я и считаю, что есть только один (бескровный!) выход из создавшегося положения: добровольная и полная передача власти. Передача её силовому авторитарному правлению — монархическому строю.

Мне могут возразить: да с какой это стати советским лидерам вообще нужно отказываться от власти? Они не хотят от нее отказываться! А вот надо сделать так, чтобы захотели. Есть много способов вынудить их к этому, но бескровное решение, решение не связанное ни с восстанием, ни со всеобщей забастовкой, ни с хаосом, вызванным такой забастовкой, ни со смертями (виноватых и невинных), неизбежными при хаосе. — решение, по-моему, есть только одно. О нем я пишу в моей книге (еще раз повторяю её название: "My Dear Fifteen Dollars", Brunswick Publ. Co., Lawrenceville, VA, USA, 1985), но я могу вкратце рассказать об этом и на страницах "Нашей Страны".

Мне также хотелось бы поделиться своими мыслями о порядках и законах в пост-коммунистической России, об их отличиях от законов в западных "демократиях".

КАКИЕ КАМНИ?

19 января 1980 года я был в гостях у Ивана Стаднюка на даче. Стаднюк, как известно, на протяжении уже многих лет встречается с Вячеславом Михайловичем Молотовым. Из разговоров с Молотовым у Ивана Фотиевича родился замысел его многотомной книги «Война», пытается эта книга теми же разговорами с Молотовым, точнее сказать, его рассказами.

В тот крещенский вечер у Стаднюка на даче разговор неизбежно коснулся и его книги, и его встреч с Молотовым.

— А давай ему позвоним, — предложил Стаднюк, — поздравим его с праздником. Интересно, знает он или нет, что сегодня Крещение.

Тотчас Иван Фотиевич набрал номер, и вот уже пошел у них невероятный, фантастический лет бы тридцать тому назад разговор, как и сам факт этого разговора.

— Вячеслав Михайлович? Добрый вечер. С праздником вас решили поздравить. Сегодня ведь праздник...

— Знаю, знаю, Крещенье, — ответил Молотов (записываю со слов Стаднюка, ибо нам ответы Молотова слышны не были).

— Вот здесь Солоухин Владимир Алексеевич. Тоже поздравляя

ет вас.

— А он вас там молиться не заставляет?

— Вот он сам, передаю ему трубку.

— Здравствуйте, Вячеслав Михайлович, — (невероятно, неправдоподобно, фантистично). В ответ я услышал молодой металлический, немного скрипучий голос Молотова, точно тот же самый, каким он оповестил всех нас 22 июня 1941 года о том, что началась война. Как сейчас звучат у меня в ушах последние слова его речи: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

Тот же самый голос теперь говорил:

— Здравствуйте, и я вас поздравляю с праздником, над чем сейчас работаете?

— Я только что написал книгу «Время собирать камни».

— Какие камни? Почему собирать?

— Ну.. Какие камни? Вы в свое время разбрасывали, а теперь приходится собирать.

— Ну, желаю вам успехов.

Невероятно, неправдоподобно и фантастично.

Вл. Солоухин

ВЛАДИМИР ГИЛЕВ

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

Родившись в СССР, уже после революции, я волей неволей с детства привык к советской беллетристике, хотя она всегда и внушала мне отвращение.

Поэтому я знаю, что один из ходовых в ней мотивов, — восхищение перед искусством конспирации у коммунистов и идеально близких к ним людей, в неблагоприятных для них условиях царской России или заграничных стран, где их партия находилась под запретом.

Помню, например, рассказы и очерки, посвященные революционному герою Камо, умевшему виртуозно притворяться, смотря по обстоятельствам, то грузинским князем, то наивным аптекарским учеником. С. Мстиславский, в романе о подпольном деятеле Н. Баумане, описывает с восторгом ловкость и смелость, с которой тот нелегально въезжал в Россию, откуда сбежал, с паспортом немецкого инженера.

Помнится, у Гайдара, да и в фильме «Красные дьяволята», удалые подростки, пропитанные советским духом, проникают в тыл к белым, используя случайно попавшие в их руки документы погибших сверстников, принадлежавших к другому стану.

Еще красочнее изображено сходное положение у Б. Лавренева, в «Рассказе о простой вещи», где большевицкий шпион разыгрывает роль француза, не говоря даже по-русски, чтобы циркулировать среди офицеров Добровольческой Армии и узнавать их секреты.

Впрочем, подобный взгляд присущ не одной советской литературе: такие же ситуации встречаются под бойкими перьями иностранных попутчиков, разных национальностей, когда они трактуют, скажем, о французском Резистансе или о подвигах немецких либо итальянских антифашистов-подпольщиков.

Не странно ли, что картина резко меняется, если речь заходит о противниках большевизма?

Когда мы, новые эмигранты, оказались, после Второй Мировой войны, за рубежом, и столкнулись, — я, в частности, испытал это в Париже, — с советскими патриотами из числа первой волны, мы, рассказывая об ужасах сталинизма, постоянно слышали в ответ:

— Это вы тут так говорите! А на родине, небось, помалкивали... Почему вы там не высказывали подобные взгляды?

Без сомнения, для чекистов было бы самое удобное, кабы антикоммунисты, и вообще все, кто в чем-то расходился во мнениях с ортодоксальной партийной линией, сами являлись бы в ГПУ и исповедывались бы в своих сомнениях и заблуждениях, подробно докладывая заодно о таковых всех своих друзей, родных и знакомых!

Тогда бы, ясное дело, всякую антисоветскую крамолу представилась бы возможность убить в зародыше, и тем предотвратить, на будущее, явления как создание власовской армии, возникновение второй эмиграции, да и в пределах самой страны вспыхнувшие сейчас довольно-таки ярким огнем, в условиях перестройки и гласности, разоблачения зверств времен Гражданской войны, военного коммунизма и большого террора при Ягоде, Ежове, Берии и к^о. Только, мы так не делали. Помогать врагам рода человеческого в выкорчевывании

инакомыслящих, — нам и в голову не приходило, совершать самоубийство для их удовольствия, — и того меньше. Естественно было, в те годы, при полной невозможности активной борьбы с режимом: «молчать, скрываться и таить» свой подлинный образ мыслей, — и ждать лучшего времени.

Как бы мастерски ни была налажена машина истребления в Советском Союзе, — мы видим: сквозь сеть многие проскользнули; те, что сейчас подымают голову внутри, и те, кто как мы попали в изгнание и можем действовать вполне открыто.

Отголоском лицемерной красной

пропаганды, у коей всегда и во всем есть две меры и два веса, для своих и для чужих, являются упреки Р. Медведева В. Солоухину, что он *действительно* человек *неискренний*!

Бессспорно, если бы Солоухин, — проявлявший однако удивительную смелость, за что и имел серьезные неприятности, — написал то, что он пишет сегодня, при Сталине, его было давно не было в живых. А он, вероятно, уже и тогда думал то же самое, что теперь. Но он, скав зубы, проводил в печать только то, что было все-таки возможно; и тем делал большое, полезное дело.

Навряд ли и сам Медведев был,

вплоть до нынешних горбачевских послаблений, вполне откровенен с властями. Еще менее правдоподобно, чтобы он был искренен в наши дни, продолжая служить интересам большевизма. Так что корить других *неискренностью* ему уж и совсем не пристало. Ему бы следовало оставить эти обвинения молодежи, приведшей к сознательной жизни в момент падения культа личности; та может их бросить от души, — по незнанию или непониманию, какова была жизнь старшего, предшествовавшего ей, поколения.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

К 72-ОЙ ГОДОВЩИНЕ НАЧАЛА БЕЛОЙ БОРЬБЫ

ТЕЛЕГРАММА ИЗ МОСКВЫ

УЧАСТИКИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

ПОЗДРАВЛЯЕМ БЕЛЫХ ВОИНОВ, СНАСШИХ ЧЕСТЬ РОССИИ, СО СЛАВНЫМ ЮБИЛЕЕМ.
МОЛИМСЯ ЗА УПОКОЙ ДУШИ ПАВШИХ, ЗА ЗДРАВИЕ ЖИВЫХ.

НАДЕЕМСЯ, ЧТО ПОДНЯТОЕ ГЕНЕРАЛОМ АЛЕКСЕЕВЫМ ТРЕХЦВЕТНОЕ ЗНАМЯ БУДЕТ РЕЯТЬ НАД СТРАНОЙ.

МИХАИЛ БОМБИН
ВЯЧЕСЛАВ ДЕГТЯРЕВ
ВАЛЕРИЙ СЕНДЕРОВ
ПАВЕЛ СЛАВИН-БОРОВСКИЙ

Иерей КОНСТАНТИН БУСЫГИН

К ИСТОРИИ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ В БРАЗИЛИИ

Уже 70 лет русский народ разбросан по всем концам земного шара. Но находясь физически далеко от родного края, в совершенно чуждой среде, русские сохранили веру, язык и традиции своих предков и постарались передать их своим детям и внукам.

Куда бы не попал православный русский человек — там зажигалась новая лампада перед святыми иконами, и возносились молитвы о страждущей родине, о родных без вести пропавших или перешедших в иной мир и о той стране, которая приняла изгнанников.

В Бразилию первые русские приехали в 1921 году — это были воины Добропольская Армии, прибывшие сюда под предводительством полковника Василия Георгиевича Фези-Жилинского. За ними последовали в 1924 году выходцы из Бессарабии. Приехали также отдельными, небольшими группами русские из Китая, Персии и разных стран Европы. После Второй Мировой войны прибыла большая группа эмигрантов из Европы и с Дальнего Востока.

Не легко пришлось русским на первых порах новой жизни. Без знания языка, в непривычном тропическом климате и большей частью совершенно без денег. Но все это не устрашило новоприбывших, и вскоре они начали устраиваться на разного рода работы. Трудились поначалу как прислуки, плотники... А многие попали в еще более тяжелые условия, на кофейные плантации. Однако постепенно положение учучилось и появились русские врачи, инженеры, адвокаты, которые пользовались уважением местного населения.

Уже в 1926 году почувствовалась необходимость создать русский православный приход в Сан Пауло. Первое организационное собрание состоялось на квартире полковника Ивана Лонгиновича Цокуна. В основании этого прихода принимала деятельное участие Антиохийская Православная Церковь. Участие это проявлялось как со стороны духовенства, так и со стороны мирян.

В начале богослужения совершались в старой сирийской церкви, не далеко от улицы 25 de Março, о. Христофором, который знал русский язык.

Вскоре был выписан из Эстонии военный священник, о. Михаил Кляровский, который приехал 7-го января 1927 года. Первое время он служил в сирийской церкви. Затем было нанято помещение на улице Итоби. Отец Михаил уехал в Парагай в 1929 году.

В том же году был проездом в Сан Пауло управляющий Православной Церковью в Южной Америке протопресвитер Константин Израсцов, который намеревался построить храм в центральной части города, что ему не удалось. Однако он положил начало постройке Свято-Троицкого храма на Вила Альтина.

Впоследствии было найдено новое, более подходящее помещение, на улице Эпистасио Песоа # 29. Прибыл новый священник, игумен Михаил, который прослужил до 1934 года.

Приходскому совету приходилось очень не легко. Членские взносы и добровольные пожертвования были недостаточными для покрытия расходов связанных со существованием прихода (содержание священника и псаломщика; плата за помещение). С целью помочь в покрытии расходов ежегодно устраивались благотворительные вечера с блестящей программой, в лучшем, в те далекие времена, зале — Жермания. Устроительный комитет состоял из Андрея Иануаревича Вешнякова, Владимира Даниловича Мережеевского (издателя монархического журнала «Владимирский Вестник») и Георгия Христофоровича Барановского.

Выступали русские артисты, некоторые из которых имели свои студии и выступали со своими учениками-бразильцами. Дамы прихода устраивали киоски с продажей цветов, крючона и программок. Такие вечера не только финансово поддерживали приход, но в то же время еще больше объединяли русскую колонию.

С уходом игумена Михея, приход пережил критический период. Но Промыслом Божиим готовилось большое утешение для всего прихода. Ввиду того, что у протопресвитера Константина Израсцова не было достаточно священнослужителей, возникла мысль обратиться к первоиерарху Русской Православной Зарубежной Церкви, ближайшему митрополиту Антонию с дерзновенной просьбой учредить в Сан Пауло архиерейскую кафедру и назначить сюда епископа. К общей радости, ближайший митрополит согласился и был назначен епископ Феодосий (Самойлович) с титулом Сан Паульского и всяя Бразилии. Владыка до этого был епископом в городе Детройте, в Соединенных Штатах Америки. Владыке теперь подчинялись приходы в прочих

отца Константина Израсцова заем без процентов в размере 80 тысяч мильярдов, что было достаточно для приобретения участка, и для покрытия первоначальных расходов. Участок, где сегодня стоит собор, при непосредственных переговорах с хозяином удалось получить за 40 тысяч мильяров — цена для того времени очень дешевая.

Археолог Константин Трофимов сделал проект храма в старопсковском стиле. Инженер строитель, серб Антоний Кадунц, согласился строить храм по мере сбора средств. Прихожане инженеры Кафорка, Стариков и Попов взяли на себя технический контроль. Сбор пожертвований превысил все ожидания. Здесь еще раз почувствовалось сочувствие и поддержка сирийской колонии, которая весьма благосклонно отнеслась к сбору средств. И в небывало короткий срок для храмостроительства постройка была окончена 9 месяцев после закладки.

Но это было только началом нового подвига для Владыки Феодосия и его верных помощников. Ведь теперь нужно было содержать новопостроенный храм,

тех личностей с добрым сердцем, которые составляют наш приход.

К сожалению вспомнить всех священнослужителей и церковных деятелей, прошедших через наш собор поименно, является почти неосуществимой задачей. Однако необходимо отметить тех, кто в данное время трудятся на пользу нашего храма. На первом месте, несомненно, стоит наш настоятель о. Владимира Панко, который уже тридцать лет служит в соборе и его верная спутница матушка Вера Афанасьевна. За ними наш псаломщик Владимир Петрович Булатов, без которого было бы очень трудно проводить все службы. Он, своим опытом и знаниями поддерживает непраздничные богослужения.

Как всем известно, особую роль в церковной жизни играет хор, и тут хочется поблагодарить нашу регентшу Елену Владимировну Протосевич и весь состав нашего соборного хора, за их труды и заботу о благолепии богослужений. В начале хор был небольшой. Среди прочих певчих можно упомянуть Сергея Димитриевича и Ольгу Георгиевну Кузьминых, и их дочку Катю, которая в наше время проживает в провинции, но всегда, когда может, посещает храм. Нельзя также забыть долголетнего псаломщика и регента Дмитрия Аполлоновича Суханова, Николая Алексеевича Ларушкина и ныне здравствующих Георгия Ефимовича Черемушкина и Александру Отокаровну Генрихстен.

Кроме обычного в каждом приходе Приходского Совета, при нашем храме существует комитет, в который входят, главным образом, более молодые члены прихода. Молодежь уже почти целый год дружно и не покладая рук работает, их стараниями был построен забор в конце участка, а также оказалось возможным отметить торжественно юбилей храма. В скором будущем этот же комитет намеревается приступить к работам по увеличению приходского зала, для более удобного устройства обедов и встреч прихожан. Хочется еще отметить и деятельность нашей долголетней старости и казначея Надежды Сергеевны

Смидович и ее помощницы Нины Александровны Шульженко и всех членов приходского совета, а также и старшей сестры прихода Веры Викентьевны Ситковской и ее неустанных помощниц.

К тому же мы должны выразить особую благодарность тем, которые потрудились в сооружении доски в память архиепископа Феодосия — инженерам Игорю Николаевичу Свидерскому, Игорю Вадимовичу Прядко и архитектору Марии Александровне Прониной.

Всем вышеупомянутым лицам, всем прихожанам и благодетелям Свято-Николаевского собора, всем оказавшим нашему приходу помощь не только материальную, но и добрым словом и советом в течение этих пятидесяти лет, выражаем нашу самую сердечную благодарность и приываем на них благословение Божие. Да укрепит нас всех Господь, дабы наш храм еще много, много лет стоял бы как неугасимый светильник Русской Православной Зарубежной Церкви, и чтобы в нем могли молиться мы и наши потомки. Ведь в нем уже молится пятое поколение русских. И именно этим детям мы обязаны передать веру наших отцов, веру православную и любовь к отечеству нашему — России.

Просим всех поминать нас в своих молитвах, дабы Господь не оставил без своей милости наш храм и в нем молящихся, молитвами нашего небесного покровителя Святителя Николая Мирликийского.

Иерей КОНСТАНТИН БУСЫГИН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

НАПАДЕНИЕ НА О. ДИОНИСИЯ

Нам пишут из Москвы:

При помощи обмана, группа в 8 человек ворвалась в квартиру председателя "Комиссии по вскрытию места захоронения и исследованию предполагаемых останков убиенных членов Императорской Семьи" иеродиакона Дионисия (Макарова) и выкрали различную аппаратуру, документы и материалы.

Судя по оброненным ими фразам, особую их злость вызвало исповедование

монархического кredo со стороны о. Дионисия. Аналогичное нападение было совершено несколько месяцев тому назад и на квартиру руководителя "Христианско-Патриотического Союза" — Евгения Ивановича Пашнина.

СВИДЕТЕЛИ ВЫДАЧ

Нам пишут из Нью Йорка:

Отсюда вылетели в Лондон, для дачи показаний на суде лорда Алдингтона против Н. Толстого трое свидетелей насилистенных выдач русских и сербских людей, Иван Пинци, Евгений Флоров и д-р Нина Ленчик. Свидетелей сопровождает начальник Российской Имперской Союза-Ордена П. Н. Колтылин.

странах Южной Америки, кроме Аргентины, где продолжал быть управляющим протопресвитер Израсцов.

Приезд Владыки Феодосия в сопровождении отца Пармена (Остапкова) 5 января 1935 года ободрил церковных деятелей и все материальные и юридические трудности были быстро преодолены. Теперь храм в Сан Пауло потерял свое местное значение и приобрел значение центра Русской Православной Зарубежной Церкви в Южной Америке. Прибыв в Сан Пауло Владыка Феодосий встретил небольшую, но сплоченную и преданную Церкви группу церковных работников. Работа «закипела».

Епархиальная жизнь стала интенсивной, Владыка Феодосий начал издавать журнал духовного содержания «Голос Пастыря», впоследствии переименован в «Сим Победиши». Владыка неустанно посещал новые приходы, которые начали создаваться в разных городах.

Когда Сан Пауло стал местопребыванием епископа, все усилия как самого Владыки, так и его сотрудников направились к тому, чтобы построить собственный храм. Мысль о постройке храма приходу, имевшему около ста прихожан, сдвинувшему годовую смету с дефицитом казалась неосуществимой. Но сила Божия в немощи совершается. Был получен от

чтобы он действительно блестал как горящая лампада Русской Православной Зарубежной Церкви в этом Богом хранимом городе. Однако и здесь Всемилостивейший Бог не оставил Своего верного служителя без помощи.

Вспоминая жизнь храма, приходят на память также и имена трудившихся и трудающихся в нем. Кроме уже упомянутых А. И. Вешнякова, В. Д. Мережеевского, Г. Х. Барановского, отдавших всю свою жизнь на пользу собора, необходимо вспомнить верную помощницу В. Д. Мережеевского, Веронику Иосифовну Мережеевскую и Андрея Иануаревича Вешнякова, осталась в живых еще один из строителей собора — Петр Михайлович Барчевский.

Спустя пятьдесят лет видим, что собор продолжает жить. В нем совершаются богослужения, прихожане крестят своих детей, молодые пары венчаются и здесь напутствуются те, которые переходят в лучшую, вечную жизнь. Но все это было бы невозможно без помощи Создателя Бога, представителем Божией Матери и Святителя Николая, а также без